

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Историческая ситуация

Гуманизм и Реформация

С. Брант: призыв к обновлению жизни

Эразм Роттердамский: ученый-гуманист

"Письма темных людей" и Ульрих фон Гуттен: обличение человеческого неразумия

М. Лютер: новые взаимоотношения человека и бога

Заключение

Список литературы

Приложение

ВВЕДЕНИЕ

Если Италия, в силу интенсивности своего социально-экономического развития, уже в XIV в. вступила в эпоху Возрождения, то в других европейских странах этот процесс проходил более медленно. В Германии гуманистически образованные люди, прокладывавшие пути новой культуре, начали появляться лишь в XV в. Ими публикуются переводы на немецкий язык античных авторов (Плавт, Теренций, Апулей) и итальянских авторов-гуманистов (Петрарка, Боккаччо, Поджо).

Историческая ситуация

Но что же представляла собой Германия накануне культурного перелома? В чем-то положение ее напоминало положение Италии. Подобно Италии, она была политически раздроблена. И хотя немецкие земли торжественно именовались "Священной Римской империей немецкой нации", власть императора была чисто номинальной. Местные князья вели нескончаемые междоусобные войны. В стране царила анархия, давал себя знать жесткий феодальный гнет. Теряя в новых исторических условиях свою былую власть, феодальное дворянство усиливало социальный гнет, вызывая в народных, преимущественно крестьянских, кругах активный протест.

Ненависть народа направлена была также и против католической церкви, которая, пользуясь государственной слабостью Германии, старалась выкачать из нее как можно больше денег. И достаточно было искры, брошенной Мартином Лютером, чтобы в стране в 1517 г. разразилась Реформация, до основания потрясая ветхое здание Германской империи.

Зато поднималось немецкое бюргерство, возрастала его роль в международной торговле. Велики были успехи горного дела в Тироле, Саксонии и Тюрингии. Наглядным свидетельством культурного и технического прогресса явилось изобретение в середине XV в. книгопечатания. К концу XV в. типографии имелись уже в 53 немецких городах. В городах возникали университеты. Города, и прежде всего "вольные города", становились важнейшими очагами духовной жизни Германии, вступившей в эпоху возрождения.

Гуманизм и Реформация

Первые немецкие гуманисты, начавшие создавать новую культуру, не могли не использовать богатый опыт своих итальянских собратьев. Подобно им, они высоко чтили классическую древность и даже произведения свои предпочитали писать на латинском языке, только не на "кухонной" средневековой латыни, а на языке Древнего Рима и его великих писателей. Конечно, латинский язык замыкал немецких гуманистов в довольно узкую "республику ученых", зато он становился средством духовного единства в стране, разорванной на множество независимых государств и говорившей на разнородных диалектах.

Была у немецкого гуманизма и еще одна характерная особенность. Развиваясь в атмосфере приближающейся Реформации, когда недовольство охватило широкие общественные круги, он прежде всего тяготел к сатире, к насмешке и обличению.

Сатириками были почти все значительные немецкие писатели-гуманисты. При этом в их творчестве особенно большое место занимала антиклерикальная сатира. По той резкости, с какой наиболее воинствующие гуманисты Германии нападали на алчность, развращенность и обскурантизм католического клира, не щадя при этом официального богословия, они, несомненно, превосходили своих итальянских учителей. Эпикурейская тенденция, типичная для итальянского гуманизма, в немецком Ренессансе никогда не приобретала решающего значения. Для гуманистов Германии, писавших накануне Реформации, античное наследие было, прежде всего, арсеналом, который снабжал их оружием против папского засилья. Не удивительно поэтому, что из древних авторов наибольшей популярностью пользовался сатирик Лукиан, ядовито осмеивавший религиозные предрассудки своего времени. Разработанная Лукианом форма сатирического

диалога прочно вошла в обиход немецкой гуманистической литературы.

Внимательно изучали немецкие гуманисты также Библию и творения отцов церкви. Устремляясь через голову средневековых комментаторов и переводчиков к первоисточникам вероучения, они получали возможность доказать, сколь мало обычаи и доктрины современного католицизма соответствовали заветам первоначального христианства. Тем самым гуманисты подготовляли Реформацию. Они, разумеется, не могли знать, что Реформация обернется против гуманизма, а Лютер со временем станет их открытым врагом.

У истоков немецкого гуманизма стоял выдающийся мыслитель и ученый Николай Кузанский (1401 - ок. 1464). Он изучал математику и естественные науки и в опыте видел основу всякого знания. Предвосхищая Коперника, он утверждал, что земля вращается и не является центром Вселенной. Будучи кардиналом римско-католической церкви, Николай Кузанский и в богословских сочинениях далеко выходил за пределы церковной догматики, выдвигая идею всеобщей рациональной религии, которая бы объединяла христиан, мусульман и иудеев. Одно время он даже ратовал за церковную реформу, долженствовавшую умалить роль папы, а также отстаивал государственное единство Германии.

Заметную роль в развитии новой гуманистической культуры сыграли "ученые общества", возникшие в различных частях Германии. Члены этих обществ содействовали изданию античных авторов, а также реформе университетского образования на основе гуманистических принципов. Встречались среди немецких гуманистов, писавших на латинском языке, и одаренные поэты. Крестьянский сын Конрад Цельтис (1459-1508) основал в городах Германии и Польши ряд "научных" и литературных обществ. Почитатель классической древности, он даже своему сборнику стихов дал

название, заимствованное у Овидия: "Amores" (1502). Все это, однако, не означало, что немецкие гуманисты были безразличны к памятникам культуры немецкой. В качестве приложения к изданной им "Германии" Тацита Конрад Цельтис обнародовал план обширного труда "Германия в образах". Им же были найдены и опубликованы забытые в то время драматические сочинения немецкой монахини X в. Хротсвиты.

Но Хротсвита - это далекое прошлое Германии, да и пьесы ее записаны на латинском языке. Между тем на исходе средних веков в немецких городах сооружались превосходные готические храмы и ратуши, украшенные скульптурами и живописью. У поднимавшегося бюргерства была своя поэзия, опиравшаяся на прочную национальную традицию. Это были занимательные шванки, родственные французским фавлю и ранним итальянским новеллам, басни и прочие назидательные произведения, подчас наделенные значительной социальной остротой, например безымянная сатирико-дидактическая поэма "Сети дьявола" (1415-1418), в которой развернута широкая панорама неурядиц, царящего в Германии. Дидактизм, сочетающийся с живым интересом к повседневной жизни, с давних пор был присущ бюргерской литературе. Тяготела она и к жанру сатирико-дидактического "зеркала", позволявшего поэту вершить строгий суд над пороками всех сословий. По мере того как социальная обстановка в Германии все более и более накалялась, жанр этот приобретал несомненную актуальность. Его связанная со средневековыми традициями "старомодность" не могла отпугнуть немецкого поэта, ведь основные институты "вольного города" - городская ратуша и городской собор - являлись неизменными источниками дидактизма. Но тут же у стен ратуши и собора вздымались пестрые волны народного карнавала, всегда готового посмеяться над чванством власть имущих и их суетливыми приспешниками в светских и

духовных одеждах.

С. Брант: призыв к обновлению жизни

Вот этим "городским духом", сочетающим бюргерский дидактизм с озорной насмешкой народного карнавала, и наполнено сатирико-дидактическое "зерцало" базельского гуманиста Себастиана Бранта (1457-1521) "Корабль дураков" (1494), написанное на немецком языке старомодным книттельферзом (силлабическим стихом) и имевшее огромный успех [См.: Себастиан Брант. Корабль дураков. Эразм Роттердамский. Похвала глупости. Навозник гонится за орлом. Разговоры запросто. Письма темных людей. Ульрих фон Гуттен. Диалоги / Переводы с немецкого и латинского; Вступ. статья Б. Пуришева. М., 1971]. Как и в средневековых "зерцалах", поэт аккуратно перечисляет пороки, обременяющие немецкую землю. Только если в средние века эти пороки осуждались как грехи, то поэт-гуманист зовет окружающий мир на суд Разума. Все уродливое, несправедливое, темное рассматривает он как проявление человеческого неразумия. Уже не грешники, но глупцы наполняют его сатиру. Поэт перестал быть церковным проповедником. На обширном корабле он собирает многолюдную толпу дураков, отправляющихся в Наррагонию (страну глупости). Этот парад дураков возглавляет мнимый ученый, всегда готовый пустить пыль в глаза. За ним следует длинная вереница дураков, олицетворяющих те или иные нравственные, социальные или политические изъяны.

Самой большой и самой распространенной глупостью Себастиан Брант считал себялюбие. Помышляя о личной выгоде, себялюбцы пренебрегают общим благом и тем самым содействуют упадку немецкого государства. В сатире "Об истинной дружбе" поэт говорит:

Кто себялюбью лишь послушен,
А к пользе общей равнодушен
Тот - неразумная свинья;
Есть в общей пользе и своя!
(Пер. Л. Пеньковского)

Корысть овладела людьми. Господин Пфенниг стал править миром. Он изгоняет из мира справедливость, дружбу, любовь и кровное родство.

Оглядываясь по сторонам, Брант видел великое неустройство, царящее в Германии как в малом, так и в большом. Не будучи апостолом Реформации, обнаруживая подчас консервативные взгляды, Брант в то же время ратует за обновление немецкой жизни. Он понимает, что страну ожидают потрясения. Ожидают они и католическую церковь: "Кораблик св. Петра сильно качает, я боюсь, как бы он не пошел ко дну, волны с силой бьют в него, будет большая буря и много горя". Брант представлял себе эту приближающуюся социальную бурю в грозных облаках "Апокалипсиса" (ср. "Апокалипсис" Альбрехта Дюрера).

Как сатирик Брант тяготеет к карикатуре, к лубочной ксилографической угловатости, к площадному острословию. Но лубочность Бранта далека от того могучего площадного гротеска, который спустя несколько десятилетий утвердился в романе Ф. Рабле. Конечно, фигуры дураков, наполняющие сатиру Бранта, связаны с традицией народного лицедейства. Вместе с тем сатирик не выходит за пределы житейской повседневности. Его дураки - это люди обычные, сатира Бранта лишена сказочного гиперболизма. Успеху ее несомненно содействовали и превосходные иллюстрации, гравированные по рисункам молодого А. Дюрера. В 1498 г. "Корабль дураков" был переведен на

латинский язык гуманистом Я. Лохером и таким образом стал достоянием всей культурной Европы. На сатиру Бранта опирались немецкие сатирики XVI в. (Т. Мурнер и др.). "Литература о дураках" (Narrenliteratur) стала особой ветвью немецкой сатиры предреформационного периода.

Эразм Роттердамский: ученый-гуманист

К традициям Бранта восходит также написанная на латинском языке "Похвала глупости" - прославленная сатира великого нидерландского гуманиста Дезидерия Эразма Роттердамского (1466 или 1469-1536), тесно связанного с культурным миром Германии. Родившись в голландском городе Роттердаме, Эразм учился и жил в разных странах Европы, в том числе в Англии, где его другом стал Томас Мор. Человек редкой образованности, всеми признанный знаток классической древности, писавший на языке Древнего Рима, удивительно чистом и гибком, он не был в то же время "язычником", подобно многим гуманистам Италии, хотя именно в язычестве и обвиняли его реакционные теологи Сорбонны. Характерный представитель северного Возрождения, Эразм в древнем христианстве склонен был усматривать нравственные основы подлинного гуманизма. Это, разумеется, не означало, что он отворачивался от мира и его красот, а тем более от человека и его земных потребностей. "Христианский гуманизм" Эразма был в основе своей вполне светским гуманизмом.

Так, много внимания он уделяет изданию греческого текста Евангелия (1517) и ученым комментариям к нему, нанесшим чувствительный удар церковной рутине. Эразм считал, что перевод Евангелия на латинский язык, сделанный в IV в. святым Иеронимом (т.н. Вульгата), изобилует многочисленными ошибками и добавлениями, искажающими смысл

первоначального текста. А ведь Вульгата в церковных кругах считалась непогрешимой. К тому же в своих комментариях Эразм смело касался таких вопросов, как пороки клира, мнимое и подлинное благочестие, кровопролитные войны и заветы Христа и т.п.

У Эразма был зоркий глаз. Великий книжник, так любивший вникать в рукописные и печатные тексты, свои обширные сведения о мире черпал не только из фолиантов, переплетенных в свиную кожу, но и непосредственно из самой жизни. Многие дали ему странствия по Европе и беседы с выдающимися людьми. Не раз поднимал он свой голос против того, что казалось ему неразумным, тлетворным, ложным. И голос этого тихого, влюбленного в древние манускрипты человека звучал с удивительной силой. Вся образованная Европа слушала его с почтительным вниманием.

Не случайно из большого числа написанных им сочинений как раз сатиры выдержали в наибольшей мере испытание временем. Прежде всего это, конечно, "Похвала глупости" (написана в 1509, издана в 1511), а также "Домашние беседы" (в другом переводе "Разговоры запросто", 1518).

"Похвалу глупости" Эразм задумал во время переезда из Италии в Англию и за короткий срок написал ее в гостеприимном доме своего друга Томаса Мора, которому с веселой иронией и посвятил свой остроумный труд (по-гречески мория - глупость).

Вслед за Брантом Эразм видел причину мирского неурядиства в человеческом недоразумении. Но он отверг старомодную форму сатирико-дидактического зеркала, предпочтя ей шуточный панегирик, освященный авторитетом античных писателей (Вергилия, Лукиана и др.). Сама богиня Глупости по воле автора всходит на кафедру, чтобы прославить себя в пространном похвальном слове. Она обижена на смертных, которые, хотя и "чтут ее усердно" и "охотно пользуются ее благодеяниями", до сих пор не

удосужились сложить в ее честь подобающего панегирика. Обозревая обширное царство неразумия, она повсюду находит своих почитателей и питомцев. Тут и мнимые ученые, и неверные жены, и астрологи, и лентяи, и льстецы, и тщеславные себялюбцы, знакомые нам уже по "Кораблю дураков".

Но Эразм гораздо смелее поднимается по ступеням социальной лестницы, чем Себастиан Брант. Он насмехается над дворянами, которые "хотя и не отличаются ничем от последнего поденщика, однако кичатся благородством своего происхождения", и над теми дураками, которые готовы "приравнять этих родовитых скотов к богам" (гл. 42); достается от него придворным вельможам, а также королям, которые, нимало не заботясь об общем благе, "ежедневно измышляют новые способы набивать свою казну, отнимая у граждан их достояние" (гл. 55). Вполне в духе времени усматривая в корыстолюбии источник многих современных пороков, Эразм делает бога богатства Плутоса отцом госпожи Глупости (гл. 7).

Еще резче отзывается Эразм о священнослужителях. Пренебрегая простыми и ясными заветами Евангелия, князя католической церкви "соперничают с государями в пышности" и, вместо того чтобы самоотверженно пасти своих духовных чад, "пасут только самих себя" (гл. 57). Утопающие в роскоши римские папы ради защиты земных интересов церкви проливают христианскую кровь. "Как будто могут быть у церкви враги злее, нежели нечестивые первосвященники, которые своим молчанием о Христе позволяют забывать о нем, которые связывают его со своими гнусными законами, искажают его учение своими за уши притянутыми толкованиями и убивают его своей гнусной жизнью" (гл. 59). Ничуть не лучше обстоит дело с монахами. Их благочестие заключается не в делах милосердия, завещанных Христом, а лишь в соблюдении внешних церковных правил. Зато "своей грязью, невежеством, грубостью и бесстыдством эти

милые люди, по собственному мнению, уподобляются в глазах наших апостолам" (гл. 54). Не щадит Эразм и официального богословия, которое он дерзко называет "ядовитым растением". Надутые схоласты готовы любого человека, не согласного с их умозрениями, объявить еретиком. Их крикливые проповеди - образец безвкусыя и нелепости. Про помощи "вздорных выдумок и диких воплей" подчиняют они "смертных своей тирании" (гл. 53, 54).

Во всем этом уже чувствовалось приближение Реформации. Вместе с тем к насильственному ниспровержению существующих порядков Эразм не призывал. Все свои надежды, подобно Бранту, возлагал он на облагораживающую силу мудрого слова. Впрочем, окружающий мир не казался ему таким простым и понятным, как автору "Корабля дураков". Брант знал только две краски: черную и белую. Линии у него всегда отчетливые и резкие. У Эразма картина мира утрачивает свою наивную лубочность.

Рисунок его отличается тонкостью и одновременно сложностью. То, что у Бранта выглядит плоским и однозначным, у Эразма приобретает глубину и многозначность. Разве мудрость, чрезмерно вознесшаяся над жизнью, не превращается в глупость? Разве навыки и представления тысяч людей, на которых свысока взирают одинокие мудрецы, не коренятся подчас в самой человеческой природе? Где же здесь глупость и где мудрость? Ведь глупость может оказаться мудростью, если она вырастает из потребностей жизни. И разве то, что говорит в начале книги госпожа Глупость, не содержит крупинцы истины? Мечты мудрейшего Платона о совершенном общественном устройстве так и остались мечтами, ибо не имели под собой твердой жизненной почвы. Не философы творят историю. И если под глупостью разумеется отсутствие отвлеченной идеальной мудрости, то словоохотливая богиня права, утверждая, что "глупость создает государства, поддерживая власть, религию и суд" (гл. 27). Впрочем, очевидна здесь и сатирическая

тенденция. Ведь то, что Эразм видел вокруг себя, достойно было самого решительного осуждения.

Эразм знает, что с незапамятных времен существовал разрыв между гуманистическим идеалом и реальной жизнью. Ему это горько сознавать. К тому же и мед жизни повсюду "отравлен желчью" (гл. 31), а "людская сутолока" напоминает жалкую копию возню мух или комаров (гл. 48). Подобные мысли придают жизнерадостной книге Эразма меланхолический оттенок. Разумеется, следует помнить, что обо всем этом говорит богиня Глупости и воззрения самого Эразма порой прямо противоположны ее воззрениям. Но нередко в книге Эразма ей отводится роль шута, показная глупость которого является всего лишь оборотной стороной подлинной глупости.

Но если логика мира обычно не совпадает с логикой мудреца, то вправе ли мудрец насильно навязывать миру свою мудрость? Эразм прямо не задает этого вопроса, но он сквозит между строк его книги. Накануне реформационных потрясений он приобрел очевидную злободневность. Нет, Эразм не отрывался от борьбы, не отходил в сторону, видя, как бесчинствует зло. В своей книге он стремился "сорвать маски" с тех, которые желали казаться не тем, чем они были на самом деле (гл. 29). Он хотел, чтобы люди как можно меньше заблуждались и чтобы доля мудрости в их жизни возрастала, а неразумение начало отступать. Но он не хотел, чтобы на смену старому, средневековому фанатизму пришел новый фанатизм. Ведь по твердому убеждению великого гуманиста фанатизм несовместим с человеческой мудростью.

Поэтому так смущен и опечален был Эразм, когда убедился, что Реформация, начавшаяся в 1517 г., не принесла человеку духовной свободы, оковав его цепями нового лютеранского догматизма. Эразм полагал, что

религиозная рознь, раздувавшая пламя взаимной ненависти, противоречит самим основам христианского учения. И он, навлекая на себя нападки обеих враждующих сторон, продолжал оставаться мыслителем-гуманистом, отвергающим любые крайности и желающим, чтобы люди в своих действиях прежде всего руководствовались требованиями разума.

В этой связи большое значение придавал он воспитанию молодежи. Не раз брался он за перо, чтобы побеседовать с юным читателем. К учащейся молодежи обращены и его "Домашние беседы", пополнявшиеся на протяжении ряда лет. Как и "Похвала глупости", они развертывают широкую картину мира. Правда, в "Домашних беседах" речь идет главным образом о жизни средних слоев, и далеко не все диалоги содержат сатирическую тенденцию. Но о невежестве и самодовольном эгоизме клириков или суевериях разного рода Эразм не мог говорить без насмешки ("В поисках прихода", "Кораблекрушение"). Насмехается Эразм над верой в нечистую силу ("Заклинание беса, или Привидение") и шарлатанством алхимиков ("Алхимик"). На всеобщее обозрение выставляет он надутое ничтожество дворян ("Конник без коня, или Самозванная знатность") и неразумие родителей, которые почитают за честь отдать свою красавицу-дочь в жены порочному уроду лишь потому, что он принадлежит к рыцарскому сословию ("Неравный брак"). Но если недостойна разумного человека погоня за знатностью, то столь же недостойна погоня за барышом, убивающим в человеке все человеческое ("Скарденый достаток").

Но Эразм не только обличает. Он стремится утвердить своих читателей на верном жизненном пути. Так, безалаберному времяпрепровождению молодых гуляк он противопоставляет благородную жажду знания, требующую от юноши собранности и умения трудиться ("Рассвет"), ставит честную жизнь выше распутства ("Юноша и распутница"), не одобряя при

этом и монашеский аскетизм. Утверждая, что "нет ничего противнее естеству, чем старая дева", он выступает с апологией разумного брака, служащего подлинным украшением земной жизни ("Поклонник и девица", "Хулительница брака, или Супружество"). С явным сочувствием изображает он доброжелательного Гликиона, который предпочитает мирить людей, нежели их ссорить, и умеет держать свои страсти в узде ("Разговор стариков, или Повозка"). В период, когда религиозная рознь приобретала все более драматический характер, подобные люди становились редкостью.

По своему характеру диалоги Эразма весьма разнообразны. В них затрагиваются самые различные вопросы, меняется место действия, мелькают разноликие фигуры. Порой они представляют собой живые жанровые сценки, напоминающие полотна нидерландских художников ("Хозяйственные распоряжения", "Перед школою", "Заезжие двory"). Порой это веселые факетии и шванки, вырастающие из забавных анекдотов ("Конский барышник", "Говорливое застолье").

Обе книги Эразма имели огромный успех. Особенно велик был успех, выпавший на долю "Похвалы глупости". Но и "Домашние беседы" привлекали к себе самое пристальное внимание. Из них охотно черпали такие выдающиеся писатели, как Рабле, Сервантес и Мольер.

Незадолго до того, как увидели свет "Домашние беседы", появилась в Германии хлесткая анонимная сатира "Письма темных людей" (первая часть - 1515, вторая часть - 1517), направленная против врагов гуманизма - схоластов. Возникла эта книга при обстоятельствах довольно примечательных. Все началось с того, что в 1507 г. крещеный еврей Иоганн Пфедферкорн с горячностью неопита обрушился на своих былых единоверцев и на их священные книги. Он предлагал незамедлительно отобрать эти книги и все, за исключением Ветхого завета, уничтожить.

Поддержанный кельнскими доминиканцами, стоявшими на стороне католического правоверия, и рядом влиятельных обскурантов, Пфэфферкорн добился императорского указа, который давал ему право конфисковать еврейские книги. Ссылаясь на этот указ, Пфэфферкорн предложил знаменитому гуманисту Иоганну Рейхлину (1455-1522), правоведа, писателю и признанному знатоку древнееврейского языка, принять участие в этой охоте. Понятно, что Рейхлин решительно отказался помогать обскуранту.

Тем временем появился новый императорский указ, передававший вопрос о еврейских книгах на рассмотрение ряда авторитетных лиц. Такими лицами были сочтены богословы Кельнского, Майнцкого, Эрфуртского и Гейдельбергского университетов, а также Рейхлин, кельнский инквизитор Гоохстратен и еще один клирик из числа мракобесов. Представители Эрфуртского и Гейдельбергского университетов уклонились от прямого ответа, все остальные богословы и священнослужители дружно подали голова за предложение Пфэфферкорна. И только один Рейхлин мужественно выступил против этого варварского предложения, указав на огромное значение еврейских книг для истории мировой культуры, и в частности для истории христианства.

Взбешенный Пфэфферкорн опубликовал памфлет "Ручное зеркало" (1511), в котором поносил прославленного ученого, без всякого смущения называя его невеждой. Рейхлин тут же ответил обнаглевшему обскуранту гневным памфлетом "Глазное зеркало" (то есть очки, 1511). Разгоревшаяся таким образом полемика вскоре приобрела широкий размах и далеко вышла за пределы Германии. К хору немецких обскурантов поспешили присоединиться богословы парижской Сорбонны, с давних пор известные своими реакционными взглядами. Травлю Рейхлина возглавили кельнские доминиканцы, руководимые профессором Ортуином Грацием и Арнольдом

Тонгрским. Инквизитор Гоохстратен обвинял его в ереси. Зато на стороне Рейхлина находились все передовые люди Европы. Эразм Роттердамский назвал кельнских доминиканцев орудием сатаны ("О несравненном герое Иоганне Рейхлине"). Вопрос о еврейских книгах превращался в злободневный вопрос о веротерпимости и свободе мысли. "Теперь весь мир, - писал немецкий гуманист Муциан Руф, - разделился на две партии - одни за глупцов, другие за Рейхлина".

Сам Рейхлин продолжал мужественно сражаться с опасным врагом. В 1513 г. увидела свет его энергичная "Защита против кельнских клеветников", а в 1514 г. он издал "Письма знаменитых людей" - сборник писем, написанных в его защиту видными культурными государственными деятелями того времени.

"Письма темных людей" и Ульрих фон Гуттен: обличение человеческого неразумия

Вот в этой напряженной обстановке, в самый разгар борьбы и появились "Письма темных людей", ядовито осмеивавшие крикливую толпу "арнольдистов", единомышленников Арнольда Тонгрского и Ортуина Грация. "Письма" - это талантливая мистификация, созданная немецкими гуманистами Кротом Рубеаном, Германом Бушем и Ульрихом фон Гуттенем. Они задуманы как своего рода комический противовес "Письмам знаменитых людей", опубликованным Рейхлином. Если Рейхлину писали люди известные, блиставшие умом и культурой, то Ортуину Грацию, духовному вождю гонителей Рейхлина, пишут люди безвестные, живущие вчерашним днем, тупоголовые и поистине темные (*obscuri viri* - означает одновременно и "неизвестные" и "темные" люди). Их объединяет ненависть к Рейхлину и

гуманизму, а также безнадежно устарелый схоластический образ мысли. Рейхлина они считают опасным еретиком, достойным костра инквизиции (I, 34). Предать огню хотелось бы им "Глазное зеркало" и прочие творения маститого ученого (II, 30). Пугает их предпринятая гуманистами реформа университетского образования. Тем более что студенты, охотно посещающие занятия передовых преподавателей, все реже заглядывают на лекции магистра Ортуина Грация и ему подобных. Учащаяся молодежь теряет интерес к средневековым авторитетам, предпочитая им Вергилия, Плиния и других "новых авторов" (II, 46). Схоласты же, продолжающие по старинке аллегорически толковать античных поэтов (I, 28), имеют о них самое смутное представление. Нетрудно себе представить, как весело смеялись гуманистически образованные читатели, когда один из корреспондентов магистра Ортуина чистосердечно признавался ему, что никогда ничего не слышал о Гомере (II, 44). А ведь идейные враги рейхлинистов претендовали на руководящую роль в духовной жизни страны, и претендовали в то время, когда культура Ренессанса повсюду одерживала одну победу за другой. Они кичились глубокомыслием, но что это было за глубокомыслие! О нем дают представление их забавные филологические изыскания (II, 13) или спор о том, смертный ли это грех съесть в постный грех яйцо с зародышем цыпленка (I, 26).

Убожество мысли "темных людей" вполне соответствует убожеству их эпистолярной манеры. Надо иметь в виду, что гуманисты большое значение придавали хорошему латинскому языку и совершенству литературного стиля. С этого для них, собственно, и началась настоящая культура. К тому же эпистолярная форма была у них в почете. Выдающимся мастером письма справедливо считался Эразм Роттердамский. Его письма читались и перечитывались в гуманистических кругах. "Темные люди" пишут коряво и

примитивно. Их "кухонная латынь" вперемешку с вульгарным немецким языком, безвкусные приветствия и обращения, убогие вирши, чудовищные нагромождения цитат из Священного писания, полное неумение толково излагать свои мысли (I, 15) должны свидетельствовать о духовной нищете и крайней культурной отсталости антирейхлинистов. К тому же все эти доктора и магистры богословия, преисполненные тупого самодовольства, просто не могут понять, что наступают новые времена. Они продолжают жить представлениями уходящего средневековья. Вдобавок ко всему, эти крикливые обличители светской морали гуманистов ведут самый скотский образ жизни. О своих многочисленных грешках без всякого смущения рассказывают они Ортуину Грацию, то и дело ссылками на Библию оправдывая человеческие слабости.

Конечно, изображая своих противников, гуманисты нередко сгущали краски, но нарисованные ими портреты были так типичны, что поначалу ввели в заблуждение многих представителей реакционного лагеря как в Германии, так и за ее пределами. Незадачливые обскуранты радовались тому, что появилась книга, написанная врагами Рейхлина, но радость их вскоре сменилась яростью. Эта ярость возросла, когда появилась вторая часть "Писем", в которой нападки на папский Рим (II, 12) и монашество (II, 63) приобрели чрезвычайно резкий характер. Ортуин Граций попытался ответить на талантливую сатиру, но его "Сетования темных людей" (1518) успеха не имели. Победа осталась за гуманистами.

Как уже отмечалось, одним из авторов "Писем темных людей" был выдающийся немецкий гуманист Ульрих фон Гуттен (1488-1523), франконский рыцарь, отчетливо владевший не только пером, но и мечом. Происходя из старинной, но обедневшей рыцарской фамилии, Гуттен вел жизнь независимого литератора. Ему предстояло стать клириком - такова

была воля отца. Но Гуттен в 1505 г. бежал из монастыря. Странствуя по Германии, он усердно штудирует античных и ренессансных авторов. Его любимыми писателями становятся Аристофан и Лукиан. Дважды побывав в Италии (1512-1513 и 1515-1517 гг.), он негодует по поводу безмерной алчности папской курии. Особенно возмущает его та беззастенчивость, с какой римско-католическая церковь грабит Германию. Гуттен убежден, что и политическая слабость Германии, и страдания народа являются прежде всего результатом коварной политики папского Рима, препятствующего оздоровлению немецкой жизни. Поэтому когда вспыхнула Реформация, Гуттен ее восторженно приветствует. "Во мне ты всегда найдешь приверженца - что бы ни случилось", - писал он в 1529 г. Мартину Лютеру. "Вернем Германии свободу, освободим отечество, так долго терпевшее ярмо угнетения!"

Однако, призывая сбросить "ярмо угнетения", Гуттен имел в виду не только реформу церковную, к которой стремился вождь бюргерской Реформации Мартин Лютер. С Реформацией Гуттен связывал свои надежды на политическое возрождение Германии, которое должно заключаться в укреплении императорской власти за счет власти территориальных князей и возвращении рыцарскому сословию его бывшего значения. Идея императорской реформы, предложенная Гуттеном, не могла увлечь широкие круги, вовсе не заинтересованные в реставрации рыцарства. Зато как сатирик, язвительный обличитель папистов, Гуттен имел шумный успех.

К числу лучших созданий Гуттена бесспорно относятся "Латинские диалоги" (1520) и "Новые диалоги" (1521), позднее переведенные им самим на немецкий язык. Подобно Эразму, Гуттен питал пристрастие к разговорным жанрам. Он отлично владел метким, острым словом. Правда, изящества и тонкости у него значительно меньше, зато ему присущ боевой

публицистический задор, и подчас в его произведениях звучит громкий голос с трибуны. В диалоге "Лихорадка" Гуттен насмехается над распутной жизнью праздных попов, у которых давно уже нет "ничего общего с Христом". В знаменитом диалоге "Вадиск, или Римская троица", папский Рим изображается вместилищем всяческих мерзостей. При этом Гуттен прибегает к любопытному приему: он разделяет все гнездящиеся в Риме пороки по триадам, как бы переводя христианскую Троицу на язык житейской католической практики. Читатель узнает, что "три вещи торгует время: Христом, духовными должностями и женщинами", что "три вещи широко распространены в Риме: наслаждение плотью, пышность нарядов и надменность духа" и т.п. Автор призывает Германию, стонущую под ярмом папистов, "сознать свой позор и с мечом в руке вернуть себе старинную свободу". Лукиановским остроумием пронизан диалог "Наблюдатели", в котором надменный папский легат Каэтан, прибывший в Германию, чтобы "обобрать немцев", отлучает от церкви бога Солнца. Попутно речь идет о неурядицах, ослабляющих Германию, о том, что погоня за всем заморским, обогащая купцов, наносит ущерб старинной немецкой доблести и что только немецкое рыцарское сословие хранит древнюю славу Германии.

В 1519 г. Гуттен подружился с рыцарем Францем фон Зиккингом, который подобно ему мечтал об имперской реформе. В Зиккинге Гуттен увидел национального вождя, способного силой меча преобразовать немецкий порядок. В диалоге "Булла, или Крушибулл" Гуттен и Франц фон Зиккинг спешат на помощь германской Свободе, над которой привыкла издеваться папская Булла. В конце концов Булла лопается (Bulla - по-латыни пузырь), и из нее вываливаются вероломство, тщеславие, алчность, разбой, лицемерие и прочие зловонные пороки. В диалоге "Разбойники" Франц фон Зиккинг защищает рыцарское сословие от обвинений в разбое, полагая, что

это обвинение скорее приложимо купцам, писцам, юристам и, конечно, прежде всего к попам. Но пред лицом испытаний, которые ждут Германию, он призывает купечество забыть о застарелой вражде, разделяющей оба сословия, и заключить союз против общего врага.

Но призывы Гуттена, обращенные к бюргерству, не были услышаны. А когда в 1522 г. ландауский союз рыцарей под предводительством Зиккингена поднял восстание, мятежных рыцарей не поддержали ни горожане, ни крестьяне. Восстание было подавлено. Зиккинген скончался от ран. Гуттену пришлось бежать в Швейцарию, где он вскоре умер. Закатилась самая яркая звезда немецкой гуманистической литературы. В дальнейшем немецкий гуманизм уже не создавал произведений столь же темпераментных, острых и сильных.

М. Лютер: новые взаимоотношения человека и бога

Зато живой отклик встречали призывы Мартина Лютера (1483-1546). Когда в 1517 г. он прибил к дверям Виттенбергской церкви свои тезисы против торговли индульгенциями, в стране началась Реформация. Ненависть к католической церкви на время объединила самые различные слои немецкого общества. Но очень скоро начали резко обозначаться противоречия, присущие немецкой раннебуржуазной революции, которая, по словам Ф. Энгельса, "сообразно духу времени, проявилась в религиозной форме - в виде Реформации".

В ходе событий определился лагерь сторонников умеренной реформы. К нему примкнуло бюргерство, рыцарство и часть светских князей. Мартин Лютер стал их духовным вождем. Революционный лагерь состоял из крестьян и городского плебейства, стремившихся коренным образом

изменить существующие порядки. Их радикальным идеологом явился Томас Мюнцер. Напуганное размахом революционного движения, бюргерство отшатнулось от народной Реформации, не поддержало оно и восстание рыцарства. В значительной мере из-за трусости и половинчатости бюргерства основные задачи революции не были достигнуты. Германия осталась страной феодальной и политически раздробленной. Реальная победа досталась местным князьям.

И все же Реформация глубоко потрясла всю немецкую жизнь. Католическая церковь утратила былую идейную гегемонию. То было время больших надежд, когда люди стремились к свободе, духовной и политической, и рядовой человек стал сознавать свою ответственность за судьбу родины и религии. Поэтому так восторженно было встречено выступление Мартина Лютера, бросившего смелый вызов косному католическому догматизму. Опираясь на мистическую традицию позднего средневековья, он утверждал, что не посредством церковных обрядов, но лишь при помощи веры, даруемой богом, обретает человек спасение души, что у клирика нет в этом никаких преимуществ перед мирянином, ибо любой человек может встретиться с богом на страницах Библии, а там, где звучит слово божие, должно умолкнуть суемудрие папских декреталий. Ведь папский Рим давно уже извратил и попрали заветы Христа. И Лютер призывал немцев положить конец "неистовому бешенству" "учителей гибели". Его призывы находили отклик в сердцах людей, видевших в Лютере провозвестника немецкой свободы. Вскоре, однако, мятежный пыл Лютера стал остывать. Когда же в 1525 г. крестьяне и плебеи с оружием в руках восстали против своих угнетателей, Лютер выступил против революционного народа.

С годами Лютер все дальше отходил от своего бывшего бунтарства.

Отрекшись от требования свободы воли, он заложил основы новой протестантской догматики. Человеческий разум объявил он "невестой дьявола" и требовал, чтобы вера "свернула" ему "шею". Это был вызов гуманизму и его благородным идейным принципам. В свое время Ульрих фон Гуттен считал Лютера союзником и возлагал на него большие надежды. Но Лютер стал противником светской культуры гуманистов, раздраженно порицал Эразма Роттердамского за то, что для него "человеческое стоит выше божеского". В противовес Эразму, отстаивавшему свободу человеческой воли, Лютер в трактате "О рабстве воли" (1526) развил учение о предопределении, согласно которому человеческая воля и знания не имеют самостоятельного значения, но являются лишь орудием в руках бога или дьявола.

При всем том в истории культуры Лютер оставил глубокий след. Выступив против автономного развития культуры гуманизма, он не отвергал использования ряда завоеваний гуманизма в интересах новой церкви. Гуманизм оказал несомненное воздействие на его идейное формирование. Среди сторонников Реформации встречались люди, в той или иной степени связанные с традициями гуманистической культуры. Сам Лютер обладал выдающимся литературным талантом. Его трактаты, памфлеты, особенно те, которые были написаны до Великой крестьянской войны, принадлежат к числу ярчайших образцов немецкой публицистики XVI в. Горячий отклик встретило, например, его послание "К христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния" (1520), в котором он обрушивался на римскую курию, обвиняя ее в личности, в том, что она разоряет Германию, профанирует веру Христову.

Большим событием в литературной и общественной жизни Германии явились духовные песни и шпрухи Лютера. Не разделяя классических

увлечений гуманистов, видя вершину поэзии в ветхозаветных псалмах, он переводил их на немецкий язык, а также создавал по их образцу духовные песни, получившие широкое распространение в протестантских кругах. Одним из таких прославленных поэтических творений Лютера является "проникнутый уверенностью в победе хорал" (Ein feste Burg ist unser Gott - "Господь могучий наш оплот", переложение псалма 46), быстро ставший, по словам Ф. Энгельса, "Марсельезой XVI века" [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 346-347].

Есть в песнях Лютера отзвуки гуситских песен, старинных латинских гимнов и немецкой народной поэзии. Иногда Лютер прямо начинает свою песню словами, заимствованными из обихода народной песни ("Новую песню мы начинаем..." и т.п.). Лучшим песням Лютера присущи простота, задушевность и мелодичность, характерные для народной поэзии. Недаром такой взыскательный поэт, как [именной указатель] Генрих Гейне, восторженно отзывался о песнях Лютера, "изливавшихся из его души в борьбе и бедствиях", и даже видел в них начало новой литературной эры.

Все же самым значительным начинанием Лютера стал перевод Библии на немецкий язык (1522-1534), давший основание Энгельсу сказать: "Лютер вычистил авгиевы конюшни не только церкви, но и немецкого языка, создал современную немецкую прозу" [Там же. С. 346]. Значение лютеровского перевода, опиравшегося не на латинский текст Вульгаты, как обычно бывало в то время, а на древнееврейский и греческий тексты, не только в том, что он, несомненно, точнее других переводов, появлявшихся до Лютера (между 1466 и 1518 гг. вышло из печати 14 переводов Библии на верхненемецкий язык, к 1480-1522 гг. относятся четыре издания Библии на языке нижненемецком), но и в том, что Лютеру удалось утвердить нормы общенемецкого языка и тем самым содействовать национальной консолидации. "Я не имею своего

особого немецкого языка, - писал Лютер, - я пользуюсь общим немецким языком так, чтобы меня одинаково понимали южане и северяне. Я говорю на языке саксонской канцелярии, которой следуют все князья и короли Германии: Все имперские города и княжеские дворы пишут на языке саксонской канцелярии нашего князя, поэтому это и есть самый общий немецкий язык".

Но, используя грамматическую форму саксонской канцелярской письменности, Лютер черпал материал из живой народной речи. При этом он обнаружил изумительное чувство немецкого языка, его пластических и ритмических возможностей. И он призывал учиться богатому красочному и гибкому немецкому языку не у сухих педантов, но у "матери в доме", у "детей на улице", у "простолюдина на рынке" ("Послание о переводе", 1530). Успех лютеровской Библии был огромен. На нем воспитывалось не одно поколение немцев, в том числе такие самобытные национальные прозаики, как Гриммельсгаузен, и такие гиганты, как Гете.

Уже в XV в. Германию начали озарять вспышки крестьянских восстаний. Возбуждение народных масс росло по мере того, как их положение становилось все более и более тяжелым. То тут, то там вспыхивали восстания, возникали тайные крестьянские союзы. С конца XV в. народное освободительное движение, включавшее не только крестьян, но и городскую бедноту, приняло еще более грозный характер. Оно росло, ширилось, пока в годы Реформации в обстановке всеобщего потрясения не превратилось в пламя Великой крестьянской войны.

В XV-XVI вв. песня была одним из самых распространенных видов массового искусства. К этому времени относятся первые сборники немецких народных песен, среди которых встречаются подлинные поэтические шедевры. Кто только не сочинял в то время песен! Кто их не пел?

Землепашец и пастух, охотник и рудокоп, ландскнехт, бродячий школяр и подмастерье пели о своих радостях и горестях, о событиях, давно минувших или только что разыгравшихся. Большое место в песенном творчестве занимала любовь, нередко связанная с разлукой. Наряду с душевными лирическими были песни сатирические, шуточные, календарные, а также исполненные драматизма баллады - например, баллада о Тангейзере, привлекавшая впоследствии внимание композитора Рихарда Вагнера.

Песня, игравшая подчас роль своего рода устной газеты, откликавшаяся на злобу дня, не могла оставаться в стороне от все нараставшего освободительного движения. Еще в 1452 г. в Тюрингии, по словам "Мансфельдской хроники" (1572), "сочинялись и пелись песни, в которых власти предержавшие предостерегались и заклинались" "не угнетать крестьян сверх меры" и "ко всем относиться по праву и справедливости". В начале XVI в. появилось множество песен, стихотворных и прозаических листовок, непосредственно связанных с потрясениями тех лет. До нас дошли стихотворные листовки, посвященные возникновению мятежных крестьянских союзов - "Бедного Конрада", направленного против тирании герцога Ульриха Вюртембергского (1514), и "Крестьянского башмака" (1513) в Бадене. Когда же в стране начала бушевать Великая крестьянская война, мятежный фольклор превратился в могучий поток. В одной из стихотворных листовок 1525 г. сообщалось: "Каждый ныне поет об удивительных событиях, каждый хочет сочинять, никто не хочет сидеть сложа руки". С песнями шли в бой, с песнями сводили счета с противником, песни были знаменами восставших, их боевыми трубами. К числу таких зажигательных песен принадлежала, например, "Песня крестьянского союза", сочиненная в 1525 г. одним из участников восстания. И конечно, с глубокой скорбью откликнулись поэты демократического лагеря на кровавое подавление народного восстания

("Песня об усмирении Мюльгаузена", 1525). К сожалению, до нас дошли только скудные остатки этого революционного фольклора, так как победившая княжеская партия сделала все, чтобы уничтожить самую память о грозных событиях.

Не следует забывать того, что именно в это время сложился и талант Альбрехта Дюрера (1471-1528), осуждавшего тех, кто привык "держаться старого пути", и требовавшего от "разумного человека, чтобы он смело шел вперед и постоянно искал нечто лучшее" ("Четыре книги о пропорциях", 1528) [Дюрер А. Дневники. Письма. Трактаты. Л.; М., 1957. Т. 2. С. 122].

Без творчества Дюрера нельзя составить себе ясного представления о немецком Возрождении. Ведь он был подлинным титаном той замечательной эпохи. И безусловно прав гуманист Эобан Гесс, видевший в Дюрере наиболее полное воплощение немецкого творческого гения. Гравюры и живописные полотна Дюрера, тяготевшего к жизненной правде, наделены силой и душевным порывом. Немецкий художник не устремлялся в мир отвлеченной красоты. Он внимательно присматривался к судьбам простых людей, ясно различая черты приближающегося социального катаклизма (цикл гравюр на дереве "Апокалипсис", 1498), а на картине "Четыре апостола" (1526) с суровым лаконизмом изобразил непреклонных борцов за истину [См.: Нессельштраус Ц. Альбрехт Дюрер. М.; Л., 1961. С. 61-73, 195].

Наконец, к великим народным книгам относится "История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике" (1587) [См.: Легенда о докторе Фаусте. М.; Л.: АН СССР, 2958. То же. М.: Наука, 1978].

За первым изданием народной книги последовали другие. Опираясь на английский перевод немецкой книги, современник Шекспира [именной указатель] Кристофер Марло написал свою знаменитую "Трагическую историю доктора Фауста" (изд. 1604). Впоследствии Гете, а за ним и другие

выдающиеся писатели не раз обращались к фаустовской легенде, впервые изложенной в народной книге на исходе XVI в.

Доктор Фауст не был вымышленной фигурой. Он действительно жил в Германии в начале XVI в. Сохранились воспоминания современников о его деяниях, позволяющих полагать, что он являлся энергичным авантюристом, каких немало было в то время. Народная легенда связала его с преисподней. Согласно этой легенде Фауст за великое знание продал свою душу дьяволу. Автор книги, по-видимому, лютеранский клирик, с осуждением относится к затее Фауста, который, поправ законы смиренномудрия и благочестия, дерзновенно "отрастил себе орлиные крылья и захотел проникнуть и изучить все основания неба и земли". Он полагает, что "отступничество" Фауста "есть не что иное, как высокомерная гордыня, отчаяние, дерзость и смелость, как у тех великанов, о которых пишут поэты, что они гору на гору громоздили и хотели с богом сразиться, или у злого ангела, который ополчился против бога".

Однако никаких подлинных знаний Фауст из союза с Мефистофелем не извлекает. Вся мудрость словоохотливого беса, касающаяся устройства мира и его происхождения, не выходит за пределы обветшавших средневековых истин. Правда, когда Мефистофель посмел изложить учение Аристотеля о вечности мира, который "никогда не рождался и никогда не умрет" (гл. 24), автор с негодованием называет концепцию греческого философа "безбожной и лживой".

За этим следует путешествия Фауста совместно с Мефистофелем по различным странам и континентам, во время которых Фауст позволяет себе те или иные проделки. Так, в Риме, в котором Фауст увидел "высокомерие, чванство, гордыню и дерзость, пьянство, распутство, прелюбодеяния и все безбожное естество папы и его прихлебателей", он с явным удовольствием

издевается над "святым отцом" и его клеретами. В заключительных частях книги Фауст поражает многих своими магическими талантами. Так, императору Карлу V он показывает Александра Македонского с супругой (гл. 33), а в Виттенбергском университете по просьбе студентов вызывает к жизни Елену Прекрасную (гл. 49). Ее он делает своей наложницей, и она родит ему сына Юста Фауста (гл. 59). Много в книге занимательных шванков, придающих ей шутовской, балаганный характер. Одному строптивому рыцарю Фауст украсил голову оленьими рогами (гл. 34); у крестьянина, не пожелавшего уступить ему дорогу, проглотил сани вместе с телегой и лошадью (гл. 36); на радость студентам верхом на бочке выехал из винного погреба (изд. 1590, гл. 50) и т.п.

И все же, несмотря на стремление благочестивого автора осудить Фауста за безбожие, гордыню и дерзание, образ Фауста в книге не лишен героических черт. В его лице нашла отражение эпоха Возрождения с присущей ей жаждой великого знания, культом неограниченных возможностей человека, мощным бунтом против средневековой косности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А теперь, если бросить на немецкие народные книги прощальный взгляд, можно сказать, что, несмотря на их наивность, шероховатость и порой примитивизм, есть в них много привлекательного, непосредственного и нарядного. Им присущ тот романтический дух, который то и дело оживал в творениях эпохи Возрождения, эпохи подвижной, поражавшей неожиданными поворотами, находками и прозрениями. На мировых подмостках разыгрывалась в то время удивительная пьеса, вмещавшая в себя как трагические, так и фарсовые сцены, наделенная жизненной правдой и смелым вымыслом. Нет ничего удивительного в том, что немецкие романтики, собственно и "открывшие" немецкие народные книги, а за ними и писатели более поздних поколений так охотно обращались к ним и так высоко их ставили.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Культурология. История мировой культуры: учебник для вузов / Под ред. А.Н. Марковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. С. 183.
2. Кравченко А.И. Культурология: Учебное пособие для вузов. - 3-е изд.- М.: Академический проект, 2001.
3. <<http://www.countries.ru/library/renesans/vzrnorth.htm>>
4. <<http://artiques.ru/content/germaniya>>

ПРИЛОЖЕНИЕ

